

А. Чарторыйский

Время Павла и его смерть

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Чарторыйский**
Время Павла и его смерть: Часть 2 / А. Чарторыйский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 170 с.

ISBN 978-5-518-00882-3

ISBN 978-5-518-00882-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дворовъ въ Лифляндіи всѣ жулики. Я видѣлъ, какъ росла враждебность моихъ обоихъ гувернеровъ во время этого остатка нашего путешествія.

М-г Требра смотрѣлъ неодобительно на знаки привязанности, оказываемые мнѣ дочерьми Дибича. Въ Тормѣ, гдѣ мы остановились на ночь, я получилъ еще письмо отъ Императора, очень ласковое, который поздравлялъ меня съ пріѣздомъ. Я передалъ мой отвѣтъ барону Дризену, гвардейскому офицеру, который былъ проѣздомъ въ С.-Петербургѣ.

Въ Нарвѣ мы были встрѣчены генераломъ (кажется, Малиновскимъ) старшимъ товарищемъ г. Дибича и шефомъ полка съ красными воротниками.

Намъ показали красивые пороги вблизи города. Въ послѣдній разъ въ этомъ путешествіи мы переночевали въ Ямбургѣ, гдѣ, помню, m-lles Дибичъ тщетно помогали мнѣ въ моихъ усиліяхъ приготовить лимонное мороженое, пока м-г Требра рѣзко не прогналъ меня съ мѣста изготовления.

Изъ Ямбурга мы выѣхали 6-го февраля и. с. очень рано и прибыли въ Стрѣльну на склонѣ дни, смѣнивъ нѣсколько разъ лошадей на русскихъ почтовыхъ станціяхъ. Немного спустя мы проѣзжали освѣщенныя улицы С.-Петербурга и, миновавъ длинный Невскій мостъ, достигли мѣста нашего назначенія, т.-е. перваго кадетскаго корпуса, главный фасадъ котораго тянулся во всю половину длинной улицы Васильевскаго Острова, и крыло котораго возвышалось широкой стѣной надъ Невой. Намъ ожидали у дверей главнаго подъѣзда, ярко освѣщеннаго множествомъ свѣчей, принесенныхъ дворцовой прислугой, предшествуемой отрядомъ офицеровъ въ богато вышитыхъ мундирахъ, которые представились въ низу лѣстницы. Потомъ насъ проводили до моихъ апартаментовъ, роскошно меблированныхъ и изъ которыхъ въ первомъ видѣлся столъ съ тремя кувертами.

Тотчасъ послѣ князя Платона-Зубова явился ко мнѣ съ пріѣтствомъ главный начальникъ кадетскаго корпуса и изъяснился, что пришелъ просить моихъ приказаній. Требовалось время, чтобы понять, наконецъ, что это говорилось согласно этикету, чѣмъ тотъ и воспользовался, но скоро я оріентировался, — и разговоръ сдѣлался оживленнымъ и дружественнымъ. Генераль Дибичъ по огъѣздѣ князя разразился проклятіями, а м-г Тре-

бра чувствовалъ себя очень огорченнымъ этикетомъ, по которому онъ, въ виду своего капитанскаго чина былъ удаленъ въ приемную во время присутствія генераль-аншефа. Потомъ онъ вошелъ съ М. Клингеромъ 2-мъ командиромъ кадетскаго корпуса, которому Дибичъ, имѣвшій только 3-й чинъ, уступилъ мѣсто, удалившись къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого я былъ уже въ своей кровати.

На слѣдующій день меня разбудили рано утромъ, чтобы передать въ распоряженіе парикмахера, который напудрилъ мнѣ голову; потомъ меня преобразили въ драгуна Псковскаго полка (зеленый мундиръ съ красными лоцканами и обшлагами, шитыми золотомъ, эксельбантъ, жилетъ, желтые рейтузы, высокіе сапоги и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ).

Едва я успѣлъ одѣться, какъ доложили о пріѣздѣ одного изъ первыхъ придворныхъ офицеровъ, фаворита Императора, графа Кутайсова, который, одѣтый въ костюмъ мальтійскаго ордена (т.-е. въ красномъ мундирѣ), явился сказать мнѣ, что Его Императорское Величество ждетъ меня.

Вскорѣ послѣ этого я сѣлъ въ дворцовый экипажъ, вполне готовый, ожидавшій насъ съ Дибичемъ у подъѣзда.

Намъ надо было проѣзжать мостъ и Исаакіевскую соборную площадь, гдѣ рядомъ съ адмиралтействомъ находился памятникъ Петра Великаго; потомъ вдоль главнаго фасада Зимняго дворца, Морской улицей, Марсовымъ полемъ, возлѣ лѣтнаго сада и наконецъ, проѣхавъ его, мы остановились передъ Михайловскимъ дворцомъ, резиденціей Императора Павла. Это зданіе, сооруженное Императоромъ со времени его восшествія на престолъ, было окружено каналомъ и вдоль его подъѣзжихъ дорогъ тянулись длинныя экзерсисхаузы. Дворецъ былъ выкрашенъ въ красную краску на голландскій образецъ и имѣлъ остроконечную башню съ золоченой крышей. Статуя Петра Великаго представляла плохое повтореніе въ миниатюрѣ прекраснаго памятника, который Екатерина II воздвигнула на Исаакіевской площади. Минувавъ эту группу, достигли дворцоваго подъѣзда, гдѣ рядъ колоннъ раздѣлялъ двѣ террасы, изъ которыхъ лѣвая примыкала къ салону.

Тамъ находилась гауптвахта, черезъ которую надо было проходить, чтобы достигъ апартаментовъ, занимаемыхъ Императорской фамиліей.

Когда мы прошли нѣсколько залъ и коридоровъ, обѣ половинки дверей распахнулись и мы очутились передъ Императоромъ.

Онъ имѣлъ 47 лѣтъ; былъ одѣтъ въ голубовато-зеленый мундиръ съ красными отворотами и такимъ же воротникомъ безъ всякихъ украшеній, кромѣ простого золотого эксельбанта; помнится, что на ногахъ у него были бѣлые рейтузы и высокіе сапоги изъ тонкой кожи. Его костюмъ былъ не новѣйшаго образца и очень скромный; шпага, казалось, выходила изъ кармана. Его прическа соответствовала остальному костюму и была крайне небрежна, даже съ довольно короткой косой.

Худая безцвѣтная физіономія украшалась маленькимъ курносымъ носомъ а la kalmoick, и бросалась въ глаза своей чрезмерной дурнотой; но, несмотря на это, взглядъ его не былъ такимъ злымъ, какимъ я себя представлялъ послѣ всего того, что слышалъ про деспотическіе поступки этого государя и съ которыми познакомился, несмотря на всѣ старанія моихъ губернаторовъ скрыть отъ меня всѣ послѣдствія народнаго голоса.

Я намѣревался преклонить колѣно согласно предписанному этикету, но мои грубые сапоги представляли къ этому большое затрудненіе ¹⁾. И послѣ того, какъ я попытался повергнуться ницъ по-восточному, Императоръ удержалъ меня съ благосклоннымъ видомъ и посадилъ на стулъ. Сѣвъ потомъ самъ, онъ сдѣлалъ знакъ ген. Дибичу тоже сѣсть. Во всѣхъ его поступкахъ я не примѣтилъ экзальтированнаго жеста, хотя съ увѣренностью рассчитывалъ на это; тѣмъ не менѣе его вопросы показались мнѣ весьма оригинальными: онъ спросилъ меня, что я видѣлъ во снѣ, сколько мнѣ лѣтъ и зналъ ли я уже свѣтъ. Мои отвѣты были смѣлы и быстры, какъ посовѣтовалъ мнѣ ген. Дибичъ, и, казалось, понравились Государю, который внезапно всталъ и вернулся скоро съ Императрицею, моею теткой.

Она была 42 лѣтъ, хорошо сохранившаяся, высокая, полная, но съ тонкой таліей; ея физіономія напоминала черты Вюртембергскаго дома. Сперва я нашелъ ее очень внушительной.

---

¹⁾ Они, конечно, были сдѣланы не для принца. Вѣроятно ихъ взяли уже готовыми и, хотя немного урѣзали, но всё же съгибались, и они оставались высокими.

Она сказала своему супругу, что я высокъ, дородень и имѣю видъ очень упитаннаго. Императоръ прибавилъ, что я красивый мальчикъ, и Императрица подтвердила это кивкомъ головы.

Чувствительный къ такому комплименту, я началъ разговоръ на французскомъ языкѣ, увѣряя даже, что едва владѣю русскимъ. Императоръ показался мнѣ довольнымъ этимъ и хвалилъ мое умѣніе держать себя, пока слово Кантъ не сорвалось у меня съ языка—что моментально измѣнило расположеніе духа Его Величества ¹⁾).

М-г Требра былъ большой поклонникъ этой философіи и весьма часто бесѣдовалъ со мной объ этомъ предметѣ; такъ что его идеи, воскресая въ моей памяти, давали мнѣ тему для разговора, что я продѣлывалъ довольно часто, не замѣчая заимствованія.

То же самое, происшедшее въ эту минуту, могло бы навлечь на меня немилость моего новаго начальника, который ненавидѣлъ всѣ философіи—если бы я, къ счастью, не придалъ приведенному тексту изъ Канта такой смѣшной оборотъ, что заставилъ засмѣяться Его Величество.

Потомъ Императоръ сдѣлалъ знакъ ген. Дибичу слѣдовать за нимъ и, выходя, сказалъ Императрицѣ: «Знаете, этотъ шалунишка завладѣлъ мной!»

Послѣ этого моя тетка осыпала меня материнскими ласками и позволила удалиться, давъ мнѣ предварительно нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и наставленій относительно моего поведенія.

Императоръ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Какъ я уже сказалъ, онъ мнѣ показался совѣмъ не помѣшаннымъ, какимъ я думалъ его найти, но, напротивъ, существомъ самымъ страннымъ, какое когда-либо я встрѣчалъ въ своей жизни, и видъ котораго заставилъ меня предположить, что ропотъ народа справедливъ.

На возвратномъ пути изъ дворца ген. Дибичъ рассказывалъ мнѣ о своей бесѣдѣ съ Императоромъ и казался совершенно въ восторгѣ отъ проявленій царской благосклонности. Едва мы успѣли вернуться домой, какъ дворцовый пажъ Его Величества

---

¹⁾ Генералъ Дибичъ сдѣлалъ при этомъ сердитую мину и сказалъ какъ бы про себя: „проклятые философы“.

вручилъ мнѣ отъ имени Императора орденъ Мальтійскаго командира. (На пажѣ былъ красный мундиръ съ золотыми эксельбантами).

Послѣ этого я получилъ визитъ отъ высокопоставленныхъ придворныхъ лицъ, которыя однако уступили одну минуту генералъ-губернатору, графу Палену. По его отъѣздѣ сутолока, производимая пріѣзжающими и отъѣзжающими, продолжалась цѣлый день, и я только вечеромъ вздохнулъ свободно, когда генералъ повезъ меня къ себѣ въ домъ. Я встрѣтилъ тамъ цѣлое собраніе его знакомыхъ, между которыми находился молодой человекъ, котораго я уже видѣлъ въ Нарвѣ, Гирсъ — нашъ компаньонъ по путешествію, и нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, подругъ барышень Дибичъ.

Забавлялись маленькими играми, и общество развеселилось. Скоро я почувствовалъ себя совершенно какъ дома, братомъ и товарищемъ всего этого чужого общества.

М-г Требра пробовалъ нѣсколько разъ звать меня домой, но генералъ удержалъ до самаго отхода ко сну.

Нѣсколько вечеровъ прошло такъ, самымъ приятнымъ образомъ, тогда какъ дни были посвящены визитамъ и обязанностямъ, которые предписывалъ мнѣ придворный этикетъ. Большинство гостей получило только мои карточки, и мало было лицъ, которые дѣйствительно желали меня принять. Между послѣдними я назову, во-первыхъ, гр. Палена, у котораго я видѣлъ сына—Петра, молодого человека, сильно заинтересовавшаго меня собой, и, во-вторыхъ, одного стараго князя. Тамъ я познакомился съ очень красивой особой, которую называли его дочерью и про которую утверждали, что ей покровительствовалъ Его Величество.

Великій князь Александръ, наслѣдникъ короны, князь самый красивый и самый любезный, какого только можно себѣ представить, встрѣтилъ меня въ кругу многочисленнаго общества, не позволившаго ему посвятить мнѣ особенное вниманіе. Его пріемъ былъ очень благосклоненъ, но немного холодепъ.

Я видѣлъ здѣсь князя Багратіона, отличившагося генерала, маленькаго роста съ удивительно большимъ носомъ. Онъ былъ со мною очень ласковъ. Великій князь Константинъ встрѣтилъ меня дружелюбно, но аудіенція была непродолжительна.

Обѣ Великія княжны, Марія и Екатерина были 15-и и 13-и лѣтъ, но ихъ вполне сформировавшійся видъ заставилъ казаться взрослыми дѣвицами въ моихъ глазахъ. Марія очень интересовалась мной во все время моего пребыванія въ Петербургѣ; но ихъ оберъ-гофмейстерина, графиня Ливенъ, воспитательница Ихъ Императорскихъ Высочествъ, обходилась со мной съ очень оскорбительною строгостью. Я часто видѣлъ Великихъ княженъ и имѣлъ честь танцевать съ ними. Мнѣ было очень трудно ориентироваться въ сутолокѣ всѣхъ происшествій, которыя наполняли первые дни моего пребыванія въ С.-Петербургѣ.

Мое воображеніе, неопытное во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ, было поражено и смѣшало картины.

Мнѣ кажется однако, что день моего приѣзда былъ пятницей и что моя первая аудіенція имѣла мѣсто въ субботу и я привѣтствовалъ Великихъ князей (если не въ тотъ же день) въ первое воскресенье; тогда же представились мнѣ офицеры высочайшаго двора и былъ парадъ по одному изъ этихъ случаевъ. Императоръ оказалъ мнѣ воинскія почести. Онъ заставилъ меня съ генераломъ Дибичемъ присутствовать нѣсколько разъ на его вечерахъ и окружалъ меня вниманіемъ и расположеніемъ, называя *gnädiger Herr*.

На этихъ вечерахъ мнѣ представился случай замѣтить, какъ мѣнялось расположеніе духа у Императора и какъ онъ предавался своимъ страстямъ. Его разговоръ вращался на парадоксахъ и галиматѣ изъ отвлеченностей. Было также нѣсколько скандальныхъ сценъ на парадахъ и военномъ обученіи. На вечерахъ Императоръ выпивалъ много вина, и вино цѣлыми стаканами безпрестанно подносилось всему обществу. Царедворцы оказали мнѣ всяческіе знаки уваженія, и ген. Дибичъ увѣрялъ меня, что ихъ поведеніе было отраженіемъ царскаго расположенія.

Дома мнѣ не расточали столько милостей. Мои восхитительные вечера окончились очень трагически. Въ одинъ прекрасный день мы представляли шарady на слово «Ричаръ-Львиное Сердце». Я занимался переодѣваніемъ въ сына Эдуарда. Одна изъ моихъ маленькихъ подругъ, назначенная къ роли моего брата, помогала мнѣ въ этомъ. Ей казалось неудобнымъ надѣть на меня нѣчто въ родѣ драпировки, соответствующей роли маленькаго сони, безъ того, чтобы не снять съ меня сначала мои драгунскіе

эксельбанты и мои тяжелые сапоги. Не знаю, какъ это случилось, что, когда она стягивала мнѣ ихъ съ ногъ, то вслѣдъ за ними снялись немного и мои чулки (Sokku 1). Именно это усердіе, съ какимъ моя дорогая подруга исправляла эту роковую непристойность, показалось назойливымъ въ глазахъ М-г Требра, чей внезапный и неожиданный приходъ повергъ насъ въ самое страшное замѣшательство. Напротивъ, мой гувернеръ казался сильно разгнѣваннымъ; онъ выбранилъ меня весьма жестоко и потомъ увелъ съ собой, а на слѣдующій день грозилъ мнѣ выговоромъ моей тетки и объявилъ мнѣ, что моя вчерашняя подруга была высѣчена сегодня утромъ, чему впрочемъ я съ трудомъ вѣрилъ, хотя эта молодая дѣвица имѣла не болѣе 6—7 лѣтъ 2). Что касается двора, то Императоръ приглашалъ меня нѣсколько разъ на субботніе концерты. Я тамъ вспоминаю съ удовольствіемъ о моей прелестной сосѣдкѣ, Великой княгинѣ Елизаветѣ, супругѣ наслѣдника, а также объ одной молодой дамѣ, о которой я уже говорилъ и которая продолжала выказывать свой интересъ ко мнѣ.

Я видѣлъ тамъ тоже ту знаменитую m-elle Шевалье, фран-

1) Носки.

2) Я не вычеркнулъ этого маленькаго эпизода изъ копій моего разсказа, потому что это не была вставка, какъ казалась.

Эта смѣшная сцена произошла на глазахъ у многихъ свидѣтелей; но м-г Требра посмѣлился воспользоваться ею, чтобы убѣдить мою тетку удалить меня отъ знакомыхъ генерала Дибича, который, казалось, пріобрѣлъ мое расположеніе, и этия самымъ Требра укрѣпили мою привязанность, которую я нигдѣ уже къ этому генералу.

М-г Требра дѣйствительно удался заставить меня впродѣ занимать помѣщеніе въ отдѣльномъ домѣ, рядомъ съ 1-мъ кадетскимъ корпусомъ, такъ что съ этого времени я находился подъ непосредственнымъ надзоромъ своего гувернера, т. е. генераль былъ удержанъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ въ кадетскомъ корпусѣ.

Кажется, что эта перемена произошла безъ приказа Императора и позднѣе даже дало мѣсто происшествію, которое могло бы имѣть роковую послѣдствія, если бы я не считалъ обязанностью молчать въ интересахъ двухъ лицъ, оснаривавшихъ другъ у друга право моего воспитанія.

Въ сущности Требра могъ имѣть свои уважительныя причины, чтобы удалить меня отъ общества, которое, казалось, слишкомъ разсѣивало меня; но все же онъ воспользовался для этой цѣли не впродѣ честнымъ приемомъ противъ г. Дибича.

цузскую пѣвицу, которой, какъ говорили, Императоръ посвящалъ свои ночныя аудіенціи.

Со мной было приключеніе въ одинъ изъ этихъ дней. Мои шпоры зацѣпились за скатерть въ моментъ вставанія изъ-за стола послѣ Императорскаго ужина; мой лобъ стукнулся о паркетъ и извлекъ изъ него звукъ, подобный удару въ цимбаль. Сперва забавлялись этимъ смѣшнымъ эпизодомъ, но Императоръ строго положилъ конецъ этому смѣху, выбралъ своего сына Константина, извинился передо мной и удалился въ дурномъ расположеніи духа, ни съ кѣмъ не простясь.

Съ тѣхъ поръ начали замѣчать усиливающуюся все болѣе и болѣе благосклонность, которой ему желательно было меня почитать и которую я не заслужилъ ни въ какомъ отношеніи.

Также мнѣ дали почувствовать, что опасенія моей тетки касательно меня удвоились въ унисонъ съ ея материнской заботой. Наконецъ, другія лица, очень усердствовавшія засвидѣтельствовать мнѣ свою привязанность и ихъ живой интересъ, усиливали эти безпокойства. Я ровно ничего въ этомъ не понималъ, но генер. Дибичъ далъ мнѣ ключъ къ разгадкѣ этой тайны, увѣряя меня, что Императоръ рассчитывалъ усыновить меня и что степень его фавора на мнѣ порождаетъ завистниковъ.

Вслѣдъ за прекращеніемъ моихъ занимательныхъ вечеринокъ въ семействѣ Дибича, я былъ удаленъ изъ кадетскаго корпуса и мнѣ назначили помѣщеніе вблизи этого дворца, т. е. прямое намѣреніе Государя было, чтобы я присутствовалъ на урокахъ учителей этой школы и подчинялся бы вполне военному воспитанію.

Между тѣмъ несогласія моихъ обоихъ гувернеровъ достигли своего высшаго предѣла.

Императоръ приказалъ Дибичу никогда не покидать меня, когда я выходилъ. М-г Требра собирался представиться Его Императорскому Величеству на военномъ обученіи; но онъ былъ едва замѣченъ. Онъ пользовался, наоборотъ, расположеніемъ гр. Ливень, а черезъ ея посредничество также милостью и у моей тетки.

Однажды въ субботу, когда я долженъ былъ нанести нѣсколько визитовъ и когда меня ждали при Дворѣ, Требра уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ безъ вѣдома г. Дибича.

Въ этотъ же день, позднѣе, я получилъ приглашеніе на концертъ и настаивалъ по этому случаю предупредить генер. Дибича. Другой пришелъ въ ярость, но, наконецъ, позволилъ мнѣ ограничиться письмомъ къ нему. Онъ не пришелъ, итакъ, надо было идти одному. Но изъ-за этого пришлось опоздать; концертъ уже начался, когда я появился въ собраніи. Моя тетка была этимъ очень встревожена, но Императоръ не предаль этому никакого значенія.

На другой день генер. Дибичъ пришелъ ко мнѣ и вступилъ съ Треброй въ пререканія; послѣ моего отъѣзда шумъ увеличился, и по своемъ возвращеніи я нашелъ доказательства личной схватки. По крайней мѣрѣ оба противника казались очень пристыженными при моемъ появленіи. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ тетки нѣсколько упрековъ и графиня Ливень наговорила мнѣ много рѣзкостей по поводу того, что я осмѣлился написать Дибичу письмо, которое мнѣ показали, и которое, вмѣсто того, чтобы дойти до Дибича, отправилось прямо во дворецъ. Эта улика нечестнаго поступка моего второго гувернера не побудила меня оправдаться открытіемъ всей его неправоты, и онъ, казалось, былъ мнѣ за это благодаренъ...

Эти домашнія ссоры были такимъ образомъ усмирены моимъ заступничествомъ,—тогда какъ ходъ великихъ событій принималъ очень угрожающій характеръ. Было болѣе, чѣмъ очевидно, что деспотическія мѣры Императора Павла возбуждали въ народѣ жажду мести. Несмотря на всѣ старанія, которыя прилагали, чтобы скрыть это отъ меня, молва слишкомъ гремѣла, для того, чтобы я не могъ этого не узнать. Также вся моя прислуга, мои домашніе и знакомые, и даже мои учителя твердили объ этомъ постоянно. Наконецъ, если бы даже никто мнѣ объ этомъ и не говорилъ, я долженъ былъ бы замѣтить перемены, происшедшія при Дворѣ: изумленный видъ у всѣхъ, стекающихся туда и гримасы Императора своему семейству.

Къ тому же эта молодая дама, которая желала мнѣ добра, не переставала предупреждать меня о неизбежной опасности, которая грозила мнѣ вслѣдъ за странной привязанностью Императора, котораго, казалось, ненавидѣлъ весь остальной свѣтъ. Я никогда не могъ ничего понять изъ этихъ загадокъ и, говоря правду, не вижу ихъ яснѣе и посейчасъ.

Но я подозрѣвалъ катастрофу, видя, какъ Императоръ (что мнѣ показалось въ вечеръ на 9/21 марта) доказывалъ несомнѣнную ярость въ самой высокой степени противъ Императрицы и двухъ Великихъ князей Александра и Константина.

11/23 марта вечеромъ М-г Требра вызвали къ генер. Клингера. Немного погодя явился ген. Дибичъ и говорилъ мнѣ объ опасности, которая угрожала.

Требра вернулся тотчасъ же, чтобы отвести меня въ кадетскій корпусъ, чего однако не случилось, потому что адъютантъ генерала Клингера прибѣжалъ впопыхахъ, протестуя отъ имени своего начальника противъ этого намѣренія.

Наконецъ, въ срединѣ ночи капитанъ Волькенсбергъ распахнулъ дверь и закричалъ намъ, что «все кончено» ¹⁾. Послѣ чего мнѣ предложили итти спать.

На другой день М-г Требра извѣстилъ меня о смерти Императора, и я ни минуты не сомнѣвался, что причиной ея было убійство.

Императрица приняла меня только черезъ 8 дней послѣ этого. Она казалась очень убитой горемъ, была одѣта въ глубокомъ траурѣ и обратилась ко мнѣ съ нѣсколькими привѣтливыми вопросами. Новый Императоръ обходился со мной съ ласковой снисходительностью. Генераль Дибичъ потерялъ свое мѣсто гувернера при мнѣ; меня же перевели въ инфантерію, причисливъ къ гренадерскому Таврическому полку, вмѣсто Псковскаго. Большая часть моего времени была теперь посвящена наукамъ. Моя память сохранила мнѣ только нѣсколько впечатлѣній отъ остатка дней моего пребыванія въ С.-Петербургѣ. Я причисляю къ нимъ погребеніе императора Павла, на которомъ мнѣ повелѣно было присутствовать. Обрядъ былъ очень продолжителенъ и утомителенъ, но внушительнаго великолѣпія; нѣсколько поѣздокъ, какъ въ каретѣ, такъ и на лошади и пѣшкомъ познакомили меня съ великолѣпною сѣвѣрною столицею на всемъ ея протяженіи и во всемъ ея величіи.

Итакъ, нѣсколько мѣсяцевъ моего уединенія, протекшихъ самымъ пріятнымъ образомъ, представляли довольно странный

¹⁾ Волькенсбергъ сдѣлалъ при этомъ движеніе рукой отъ шеи кверху. «Теперь вы можете итти спать».